

Из разных блокнотов

ВОСПОМИНАНИЕ

Историк эту я услышал в Таре на пристани, от высокого сорокалетнего мужчины.

— Вот пишут в романах: произошло, мол, такое, что запомнилось потом на всю жизнь. Чаще всего — вранье это Чего только лично в моей жизни не случилось, — если б хоть половину запомнил, — знаешь, какая бы голова была?..

Хотя, один случай помню — из детства.

В сорок первом открыли возле нашего села детский дом. И вот пришла сверху баржа. Говорят — ленин-

градские ребяташек привезли. Вышли все их встречать. Залез я по трапу на баржу и взял одного пацанчика. лет пяти, на руки, чтоб на берег его отнести. А он как сцепится за меня, цепулет. Слушай, говорит, а бомбить не будут? Нет, говорю не будут, не бойся.

Так пока я его нес — ты не поверишь — раз десять он меня про это спрашивал: а бомбить не будут? не будут?..

А отнес я его не в детдом, з и нам домой. Мама, говорю, давай возьмем его.

Ничего помню, мать не

сказала. Вынудала его, по-нормила. Спать легли. Утром сели завтракать, а на столе одна картошка без хлеба. Едоков вместе с гостем шестеро. Отвела потом меня мать в сторону. Большой, говорит ты уж. Петя, помнмать должен. Разве выйдем мы мальчонку твоего на таких харчах? В детдоме ему намного лучше будет.

Заплакая я, помню, в лес убежал. Вернулся к вечеру, а пацана уже нет.

Нет, ты только представь себе: а бомбить, спрашивает, не будут? И легкий-легкий сам.

СТАРИК

Почему я так люблю стариков? Почему мне нравятся часами слушать их разговоры наблюдая за ними, задавать им нехитрые вопросы?..

Вот напротив меня спит на ивазной леспромхозовской кровати дед-пензионер. Он спит тихо, без храпа и вздохов. Спит, как-то по-особенному трогательно положив одна на другую крупные, темные руки.

Старину под семьдесят. Из украинских переселенцев — до сих пор речь его певуча и мягка. В леспромхозе давно.

Когда я спросил, кем он работал дед помолчал немножко прежде чем ответить, будто припоминая: «Та на разном, сыночек, на разном.

Что скажешь, то и робил. А под конец — у гаража сто-рожил».

Да, хоть и разными были эти работы, но, видно, одинаково нелегкими, — думаю я, глядя сейчас на его руки.

Старик одинок. Почему так получилось — расспрашивать неудобно. Пара чемоданов под кроватью, немного посуды, будильник, посаженная в огороде картошка, глупый пес, который ни на кого не лает — вот все движимое и недвижимое.

Чем жил этот человек? Кого любил и ненавидел? О чем думал и думает? Что могу я узнать о нем за эти три дня.

Старик несколько раз принимался рассказывать о ка-

ком-то парне-литовце, который работал зиму и весну вальщиком и спал на моей теперешней койке. Сейчас парень этот уехал поближе к городу. Старик все ругал мне его за расточительность и безалаберность: большие губки, как видно, пропивались парнем тотчас же после «олучения». Я никак не мог понять, для чего мне это нужно знать, пока не расспросил о бывшем соседе старина у других. Оказалось, что дед очень привязался к этому парню, относился к нему чуть ли не как к сыну.

— Случай дед, — сказал мне, — случает. Написал литовец — мол, может быть, осенью приеду, так он чуть ли не каждую машину с пристани ходит встречать.

И вот он спит. За полчаса так и не шелохнулся.